

UDC 316.347(470.62):94“1939/45”

The Third Reich and the Cossacks: Relations during the World War II

Oleg V. Ratushnyak

Kuban State University, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Abstract. The article analyses the fight of the Cossacks on the side of the Nazi Germany in the World War II. Both the emigrant Cossacks and the Soviet Cossacks are the subject of the research. The study is topical due to disputes on the problem of collaboration, which recently started in the academic circles and among the public. The article reveals the reasons of Hitler support by a substantial number of Cossacks, the attitude of the Nazi leaders towards the Cossacks, the main spheres of cooperation between the Cossacks and the Nazi Germany. The conclusion that the emigrant Cossacks cannot be fully attributed to collaborators due to the fact that they were not citizens of the USSR was made. However, many Cossacks who went with the Germans to the west showed not so much the support of Germany as the desire to avoid possible repressions of the Soviet leadership. In its turn, the leadership of the Third Reich and the command of the Wehrmacht, despite the official ideological attitude, were forced to cooperate with the representatives of the Cossacks closely and make extensive use of its potential in the course of war for a variety of objective reasons.

Keywords: World War II; Third Reich; Wehrmacht; the Cossacks; collaboration; Kazachiy Stan; emigration.

Введение. Прошло почти 70 лет с момента окончания Второй мировой войны, но споры, связанные с различными проблемами, порожденными войной как в области науки, так и в области политики, по-прежнему не утихают. Одна из таких проблем – проблема коллаборационизма. Она долгое время рассматривалась в советской/российской историографии как характерная преимущественно для западных государств. Однако в последнее время российским исследователям пришлось коренным образом пересмотреть данную точку зрения. С открытием многих документов и возможностью свободного обсуждения подобного рода тем уже нельзя было обойти внимание тот факт, что сотни тысяч советских граждан в годы войны участвовали в различных формах сотрудничества с оккупантами. Кроме того, на стороне оккупантов выступили и некоторые российские эмигранты. Особенно активно в поддержке похода Гитлера на восток проявили себя представители российского казачества. Участие российских эмигрантов в войне на стороне Третьего Рейха порождает еще одну научную проблему: можно ли отнести к коллаборационистам эмигрантов, которые на момент оккупации не являлись гражданами СССР. Различны были и мотивы и формы сотрудничества с оккупантами.

В данной статье сделана попытка проанализировать участие казаков-эмигрантов и казаков из числа советских граждан во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии. При этом обращается внимание на мотивы и формы этого участия, а также делается попытка восстановления точной хронологии изучаемых событий.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе материалов ряда российских архивов, периодики Второй мировой войны, опубликованных источников и достижений российской историографии по данной проблематике. В процессе анализа материала использовались описательный и историко-генетический методы. Описательный метод вполне оправдан при исследовании еще недостаточно изученных событий в плане обработки и подачи фактического материала. Историко-генетический метод позволил вскрыть причинно-следственные связи и закономерности изучаемого явления. Оба метода помогают охарактеризовать анализируемые исторические события и их участников в их индивидуальности и образности.

Обсуждение. Проблема участия казачества во Второй мировой войне на стороне Третьего Рейха становилась предметом исследования как зарубежных, так и российских исследователей. Среди зарубежных исследователей следует отметить Н. Бетелла, И. Бреэре, Ф. Верардо, Ф. Грелка, С. Карнера, Ф. Ланнуа, Х. Штадлера, посвятивших свои труды различным аспектам участия казаков во Второй мировой войне. Среди отечественных исследователей, уделивших внимание данной проблеме, можно выделить П. Крикунова, К. Александрова, Ю. Цурганова, М. Семирягу, М. Шкаровского. И зарубежные, и отечественные исследователи обращались к анализу таких проблем, как коллаборационизм, причины, характер и последствия участия казаков во Второй мировой войне, трагедия в Лиенце. Однако в целом проблема участия казачества во Второй мировой войне еще нуждается в своем изучении, включая расширение фактологической базы исследования и ее осмысление.

Результаты. В отличие от значительной части российской эмиграции казаки-эмигранты в большинстве своем поддержали поход гитлеровских войск на Восток. Известие о нападении Германии на СССР привело к целому ряду заявлений лидеров казачьего зарубежья о поддержке германских войск в «крестовом походе» против большевистской власти. В дальнейшем в лагере казаков-эмигрантов стали все активнее раздаваться голоса о необходимости прямого участия казачества в данной войне на стороне фашистской Германии. Однако руководство Третьего Рейха первоначально негативно отнеслось к подобной поддержке. По утверждению Гитлера, «только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!» [1]. Кроме того, германское руководство рассчитывало на быструю победу. Согласно версии бывшего донского атамана П.Н. Краснова, немцы избегали привлечения эмигрантов для участия в войне против СССР, так как считали, что это усилит сопротивление Красной Армии и местного населения, видевших в эмигрантах возвращение помещичьих порядков [2].

В годы Второй мировой войны активизировали свою деятельность казаки-самостийники (или, как их еще называли, казаки-националисты). Свою работу они вели под лозунгом «Борьба за свержение советской власти и создание казачьей национальной федеративной республики без коммунистов». И если первоначально они рассчитывали на поддержку Англии и Польши, то после нападения Германии на СССР ставка была сделана на Гитлера [3]. При этом активизировалась борьба внутри казачества между так называемыми единонеделимцами и самостийниками (хотя и те, и другие в большинстве своем поддерживали Германию в борьбе против СССР). Самостийники, в отличие от единонеделимцев, делали ставку на Гитлера не только как на освободителя казачьих земель, но и в силу того, что видели в национал-социализме определенную близость социальному устройству жизни казачества [4]. В отличие от единонеделимцев, которые настороженно относились к сотрудничеству с военнопленными красноармейцами, самостийники с первых дней войны уже ставили вопрос о необходимости пропаганды среди пленных казаков идей Казаккии – самостоятельного казачьего государства – и привлечении их к войне на стороне Германии [5]. Казаки-националисты одними из первых обратились к руководству Третьего Рейха с просьбой принять казачество в ряды германской армии или позволить самостоятельно создавать казачьи части для совместной борьбы с немцами против СССР. Однако германское руководство (и прежде всего Гитлер) считало нежелательным участие эмигрантов в этой войне. Поэтому первоначально воинские части из эмигрантов создавались по инициативе самих эмигрантов и некоторое время не признавались немцами. А привлечение военнопленных и сочувствующих лиц к участию в войне на стороне Германии проходило по инициативе непосредственно командиров немецких частей без официального одобрения высшего руководства.

Формирование первой воинской части из эмигрантов – Отдельного Русского Корпуса (Русский Охранный Корпус) – началось в сентябре 1941 г. в Белграде по инициативе генерала М.Ф. Скородумова. В Корпус зачислялись добровольцы в возрасте от 18 до 55 лет, способные к строевой службе. Чины корпуса ставились на полное содержание германских вооруженных сил [6]. 23 октября 1941 г. командование 1-м Сводным полком Корпуса принял генерал В.Э. Зборовский (казак ст. Ладужской Кубанского казачьего войска). В конце октября в состав 7-й гвардейской сотни полка были включены казаки Лейб-гвардии дивизиона Собственного Его Императорского Величества Конвоя. В конце ноября полк принял участие в первых боях. В декабре 1-й Сводный полк был переформирован в 1-й Казачий полк [7].

Отдельный Русский Корпус использовался немцами только на балканском театре военных действий, и германское руководство пресекало даже разговоры о возможности использования Корпуса на восточном фронте. В мемуарной и исследовательской литературе иногда это объясняется тем, что сами эмигранты не хотели воевать против своих же соотечественников. По-видимому, это далеко от истины. Многие эмигранты как раз рвались на восточный фронт. Основными причинами такого рвения были стремление свергнуть ненавистный большевистский режим и увидеть родные края. Однако руководство Третьего Рейха было прекрасно осведомлено о высокой патриотичности большинства российских эмигрантов, в том числе и казаков. Учитывая то место, которое отводилось России в планах нацистских бонз, они имели все основания опасаться использования вооруженных сил российской эмиграции на восточном фронте. Именно поэтому первые части, используемые против Красной Армии, формировались из военнопленных и сочувствующего местного населения, и инициатива в этом первоначально принадлежала непосредственно представителям вермахта.

Осенью 1941 г., когда стало ясно, что «блицкриг» увенчался провалом и войска понесли значительные потери, командиры воинских частей германской армии стали самостоятельно формировать части из военнопленных и сочувствующих лиц. В сентябре 1941 г. офицер армейской контрразведки Х. фон Клейст предложил командованию 18-й немецкой армии для более эффективной борьбы с партизанами использовать казаков. В октябре 1941 г. данная инициатива получила продолжение в официальном разрешении командующим тыловыми районами формировать вспомогательные воинские подразделения (в том числе и казачьи) из числа военнопленных и местного населения [8].

Первая казачья часть была сформирована в октябре 1941 г. в Могилеве во главе с И.Н. Кононовым (донской казак), офицером Красной Армии, добровольно перешедшим на сторону немцев. Дивизион (батальон) Кононова формировался преимущественно из казаков, находившихся в германском плену.

Успешное использование казаков на фронте и острая необходимость в восполнении потерь личного состава привели к тому, что в апреле 1942 г. Гитлер лично дал разрешение на официальное использование казачьих воинских подразделений. Летом 1942 г. центром формирования казачьих частей из советских военнопленных стала Украина (Винница, Славута, Шепетовка). К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тысяч человек [9]. Основной упор при создании казачьих частей из военнопленных и сочувствующих был сделан на использование их для охраны стратегически важных объектов (склады, железные дороги, мосты) и борьбы с партизанами.

Достаточное количество казаков, желающих сотрудничать с германской армией, привело к тому, что в скоро времени стали формироваться части по войсковому признаку: донские, кубанские, терские...

Необходимо учитывать и тот факт, что многие казаки из числа военнопленных, давая согласие на переход в воинское подразделение, стремились прежде всего избежать тяжелой жизни, а порой и смерти в немецких лагерях. Стремясь вырваться из лагерей некоторые военнопленные, не будучи казаками, выдавали себя за таковых. Не случайно, что во время боев с партизанами и частями Красной Армии многие из них переходили обратно. Этим переходам способствовало и знакомство воочию с «новым немецким порядком» и жестокостями оккупантов.

В свою очередь убежденные противники советской власти проявили себя с точки зрения немцев с лучшей стороны. Так, 82-й казачий эскадрон под командованием кубанского казака М. Загородного был принят полностью на немецкое довольствие и проявил себя как надежный союзник в качестве разведывательного отряда немецкой боевой группы. Интересно, что первоначально отряд Загородного был

сформирован из советских военнопленных для конвоирования их в тыл германской армии, но, справившись с поставленной задачей, казаки выразили желание принять участие в боевых действиях на стороне немцев [10].

Из крупных подразделений казаков, принимавших активное участие в войне на стороне фашистских захватчиков, были казачий конный полк имени атамана М.И. Платова под командованием майора Э. Томсена, казачий пластунский полк майора Рентельна, полки Леманна, Вольфа и полк под командованием полковника И. Юнгпульца, состоявший из двух эскадронов (один – из немцев, другой – из казаков). Каждый полк насчитывал в среднем около 2 тысяч бойцов [11].

К 5 сентября 1942 г. германские войска оккупировали территорию Кубани. В силу целого ряда причин и, в первую очередь, в силу политики, проводившейся советской властью в 1920–1930-е гг. (расказачивание, репрессии казаков), часть населения казачьих областей встречало немцев как освободителей от большевистского ига. Вот как один из очевидцев тех событий рисует встречу немцев на Кавказе: «Убежденные враги большевизма видели в победе немцев разгром своего исконного врага; бывшие собственники – надежду на хотя бы частичное возвращение их имущества, главным образом, отобранных домов; репрессированные и жившие по фиктивным документам (а таких немало) – освобождение от вечного страха перед вездесущим НКВД; голодные – возможность насытиться...» [12].

Уже в сентябре 1942 г. в районе Краснодара началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии. До января 1943 г. казаки дивизии участвовали преимущественно в операциях против партизан. Позже дивизия приняла участия и в боях против частей РККА. В станице Крымской под руководством М.М. Шаповалова проходило формирование еще одной казачьей дивизии под названием «Свободная Кубань». Однако в ее состав были зачислены только около 400 человек, когда данному подразделению пришлось принять участие в боях с наступающими советскими войсками [13].

Несомненно, что в казачьих землях находились и активные защитники родины от захвата ее фашистскими оккупантами, и свидетельством этого явилась развернувшаяся партизанская война и подпольная деятельность на оккупированных территориях. Так, «только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов, многие из которых состояли из казаков» [14]. Но были и те, кто с первых же дней прихода фашистов высказал свою готовность к тесному сотрудничеству с ними.

Осенью 1942 г. в Краснодаре была образована инициативная группа возрождения Кубанского казачьего войска во главе с Г.П. Тарасенко и И.И. Белым. Вскоре при ней были созданы штаб и канцелярия в качестве основных рабочих органов. Группа старалась организовать регистрацию казаков, наладить связь со станицами и руководством военного командования германской армии на Северном Кавказе. Однако особых успехов группа не добилась. С одной стороны, это было связано с противоречивой политикой германских властей на оккупированных территориях. Немцы, порой, сами не знали, на кого делать ставку при организации социально-экономической жизни жителей Кубани. С другой стороны, вскоре проявились все «прелести» оккупации, и многие жители Кубани, в том числе и казаки, постепенно стали понимать сущность «немецкого порядка».

Если сравнивать степень лояльности к оккупантам, то на Дону, судя по всему, она была выше, чем на Кубани. Это проявилось, в частности, и в том, что формирование казачьих подразделений на Кубани проходило менее централизованно и менее массово.

Заигрывая с казаками, немецкое руководство пошло на восстановление в казачьих землях казачьего самоуправления в лице окружных и станичных правлений и атаманов. Более того, на северо-западе Кубани был создан автономный казачий округ, включавший 6 районов Краснодарского края с населением около 160 тысяч человек. В нем практически полностью было восстановлено казачье самоуправление и выстроена вертикаль власти от станичного до верховного атамана. В компетенцию атамана входило обеспечение социально-экономической жизни населения округа, включая развитие хозяйства, образования, культуры, поддержание порядка силами организуемой из жителей полиции и т.п. Главной же задачей, которая возлагалась на жителей округа и его атаманов, было создание и обеспечение вооруженных отрядов для борьбы с большевиками. Речь шла не только о борьбе с партизанскими отрядами, но и об участии в войне на стороне фашистских захватчиков [15].

Поражения и значительные потери личного состава на Восточном фронте заставили Гитлера в идеологических соображениях изменить свое мнение о казачестве (или, по крайней мере, допустить некоторые изменения в своей первоначальной доктрине). Он готов относить казаков к потомкам остготов, то есть к племенам, близким по крови германцам [16]. Гитлер уже не так активно возражает против использования потенциала казачества, как военнопленных, так и казаков-эмигрантов.

В декабре 1942 г. при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий создается Казачье управление Дона, Кубани и Терека во главе с Н.А. Гимпелем. Среди прочих задач Казачье управление ставило подготовку организации временного казачьего правительства за границей, которое было создано весной (31 марта) 1944 г. в форме Главного управления казачьих войск во главе с П.Н. Красновым. Одним из членов Главного управления казачьих войск был и кубанский атаман генерал В.Г. Науменко, который в своем приказе отмечал, что одной из основных задач, возложенных на Главное управление казачьих войск, является «сбор и организация казаков, отошедших с германскими войсками, находящихся в тылу Восточного фронта и в разных государствах Европы» [17].

Немаловажное значение в использовании казачества придавалось германским руководством и идеологической работе. В частности, с 1943 г. в г. Берлине (Германия) издаются журналы «На казачьем посту» и «Казачьи Ведомости» (издавались до 1945 г. включительно).

Одним из главных свидетельств тяжелого положения Третьего Рейха и изменения его отношения к казачеству стала декларация от 10 ноября 1943 г., подписанная начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром Восточных областей А. Розенбергом. В декларации казаки

признавались верными соратниками и союзниками германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. В случае невозможности проживания в родных краях германское руководство обещало устроить «казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера», обеспечив их всем необходимым [18].

Весной 1943 г. в районе г. Млава (Польша) началось формирование первой крупной регулярной воинской части – 1-й казачьей кавалерийской дивизии, состоявшей полностью из казаков, под командованием немецкого полковника Г. фон Паннвица (в скором времени произведенным в генерал-майоры). В состав дивизии были введены казачьи полки под командованием Вольфа, Томсена, Юнгшюльца и дивизион Кононова. Все командные должности в дивизии занимали немцы. Исключением являлся И.Н. Кононов, возглавивший 5-й донской казачий полк. Позже Г. фон Паннвиц сформировал конвойную сотню, преимущественно из казачьих участников гражданской войны [19]. Осенью 1943 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была направлена в Югославию, преимущественно для борьбы с местными партизанами.

Заигрывание с казаками было в значительной степени связано с резким ухудшением положения германской армии на Восточном фронте и с начавшимся отступлением гитлеровских войск. Отступление оккупантов вызвало и уход с родных земель определенного числа местного населения. Особенно большой процент уходящих был среди казачества (большой, по сравнению с другим населением, но в целом количество ушедших было несравненно меньше численности оставшихся). Очередной исход казаков стал новой трагичной страницей истории казачества. Основными причинами ухода были опасения новых репрессий, вызванных сотрудничеством с фашистами во время оккупации, и нежелание оставаться в государстве, которое на протяжении более чем 20 лет перемальвало казачество как мощные жернова бездушного устройства. Многие уходили с семьями, так как ясно представляли, что ждет родных и близких ушедших с врагом, а также потому что, в отличие от эмиграции 1920 г., понимали, что уходят навсегда и назад дороги уже не будет.

По мере наступления Красной Армии казаки, одиночки и с семьями, уходили на запад. При этом на должность Походного атамана Кубанского казачьего войска претендовали сразу несколько человек, в том числе И.И. Саломеха и И.И. Белый. К весне 1943 г. большинство ушедших были сосредоточены в различных частях Украины. Через Керчь на Украину с 25 января по 20 февраля 1943 г. ушли 93957 кубанских казаков (мужчин, женщин, детей) [20]. Скопление громадной массы людей требовало определенной ее организации. Первоначально появилось много различных атаманов и руководителей, претендующих на руководство уходящими казаками, создавались казачьи правления, штабы и т.п. Отчасти этому способствовали и командиры немецких частей, пытавшиеся поддержать всех, кто мало-мальски подходил на роль организатора казачьей массы. Однако споры и ссоры между этими «атаманами» вносили еще большую сумятицу и заставили оккупантов создать в конце ноября 1943 г. так называемый Казачий Стан во главе с походным атаманом С.В. Павловым. Все казаки и казачьи части, находившиеся на оккупированной территории, должны были войти в состав данной организации.

В соответствии с Декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 г. казакам для расселения была выделена территория в Каменец-Подольской области. С.В. Павлову поручалось организовать размещение и существование казачьих станиц, организацию и содержание казачьих частей. С созданием весной 1944 г. Главного управления казачьих войск Казачий Стан был подчинен генералу П.Н. Краснову.

В Каменец-Подольской области казаки пробыли меньше полугода. Стремительное продвижение советских войск принудило казаков продолжить свой отход на запад. Новым местом их размещения стала Белоруссия (район г. Новогрудок). Здесь была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своими станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в составе 11 казачьих полков [21]. Здесь была создана и своеобразная Казачья епархия, которую возглавил протоиерей В. Григорьев [22]. Как известно, Белоруссия в годы Великой Отечественной войны была одним из мест, в котором получило особое распространение партизанское движение. При этом речь идет не просто о численности и количестве партизанских отрядов, но и об их повышенной активности. Скорее всего, это и было одной из причин того, что именно данная территория была отдана под заселение казакам. Стараясь обеспечить спокойное существование себе и своим семьям, казаки уже в силу этого вынуждены были вести активную борьбу с партизанами. А учитывая взаимную неприязнь партизан (защитников советской власти в глазах казачества) и казаков («фашистских прихвостней» в понимании партизан), можно было ожидать, что борьба будет упорной и беспощадной. И, действительно, по сообщению комиссара г. Новогрудок казачьим частям в скором времени удалось очистить часть территории от партизан, поставить под свой контроль и свою охрану пути сообщения [23]. В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами был убит Походный атаман Казачьего Стана С.В. Павлов. В скором времени Казачий Стан возглавил Т.И. Доманов.

В июле 1944 г., когда возникла угроза окружения, казаки из Белоруссии стали прорываться на территорию Польши. Однако и в Польше они надолго не задержались. В августе 1944 г. германским руководством было принято решение о переброске Казачьего Стана и казачьих частей в Северную Италию (область Фриули). По-видимому, одной из причин переброски казаков в данный район было стремление немецкого командования обеспечить здесь, как и в Белоруссии, силами казаков порядок. Северная Италия, как и Белоруссия, была наводнена партизанами, чему в немалой степени способствовали и местные условия (в Белоруссии – леса, в Северной Италии – горы). Стратегически данная территория была важна для германского командования, так как обеспечивала определенную связь между Балканами и Центральной Европой и находилась на пути англо-американских войск, продвигающихся с юга Аппенинского полуострова.

Здесь, в Северной Италии, произошло своеобразное воссоединение казаков, оказавшихся в эмиграции в 1920 г., с казаками, ушедшими за границу вместе с отступающими фашистскими войсками. Было даже несколько случаев воссоединения семей. Расположение казаков было по-прежнему организовано по войсковому принципу. Поселившись в Северной Италии, казаки перенесли сюда не только свои обычаи и

традиции, но и свои названия. Так села Олессио, Каваццо и Тразагис стали называться Новочеркасском, Краснодаром и Новороссийском (соответственно) [24]. Практически все казаки в возрасте от 18 до 45 лет находились в составе воинских частей. Более старшие казаки (от 45 до 70 лет), способные носить оружие, несли караульную службу по охране своих станиц в составе специального охранного батальона. Молодые казаки (16–17 лет) проходили подготовку в учебной военной школе и юнкерском училище. Казаки-подростки (14–16 лет) обучались и трудились в созданной военно-ремесленной школе [25].

Ухудшение положения на фронте, катастрофическая нехватка военных кадров привели к созданию Резерва казачьих войск для мобилизации всех казаков, проживающих на территории Третьего Рейха. Казачий Резерв возглавил генерал А.Г. Шкуро (кубанский казак), которому в сентябре 1944 г. было поручено организовать сбор казаков и уроженцев казачьих земель для формирования Казачьего Освободительного Корпуса [26]. Формировать Корпус было решено на базе 1-й казачьей кавалерийской дивизии Г. фон Паннвица. Уже к середине сентября 1944 г. в столице Третьего Рейха были созданы вербовочный штаб, комендатуры, этапный лагерь для приема мобилизованных. 17 сентября 1944 г. вышел приказ генерала П.Н. Краснова (начальника Главного управления казачьих войск) «О формировании Казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана» [27].

В Казачий корпус зачисляли всех желающих казаков, годных к строевой службе. Его основу, помимо 1-й казачьей кавалерийской дивизии, составляли военные подразделения казаков, перебрасываемые с различных участков фронта. В то же время в Корпус зачислялись казаки-эмигранты, казаки-военнопленные и казаки, находившиеся в Германии на различных работах.

25 февраля 1945 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была официально преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. Общая численность Корпуса была около 25 тысяч человек [28]. В апреле 1945 г. командир корпуса Г. фон Паннвиц на собрании делегатов полков корпуса был избран Походным атаманом казачьих войск. В скором времени после предварительных переговоров казачий кавалерийский корпус был включен в состав Русской Освободительной армии ген. А. Власова [29].

Практически с самого момента создания казакам 15-го корпуса приходилось вести тяжелые бои, преимущественно сдерживая натиск Народно-освободительной армии Югославии и болгарских войск. Под давлением превосходящих сил противника в мае 1945 г. было принято решение об отводе 15-го корпуса в Австрию, которая стала своеобразным местом сбора всех казаков. Сюда был направлен не только Казачий Стан, но и казачьи части Русского корпуса, а также вообще казаки-эмигранты, разбросанные по территории Третьего Рейха и сопредельных с ним государств.

Практически все казаки (Казачий Стан, 15-й казачий корпус и другие казачьи части) капитулировали перед английскими войсками и были расположены в районе Лиенца. Большинство из них, конечно же, страшило перспектива возвращения в СССР. Однако в соответствии с договоренностью между представителями «большой тройки», достигнутой еще в феврале 1945 г. в ходе Ялтинской конференции, союзники должны были вернуть в СССР всех его бывших граждан.

28 мая 1945 г. большинство казачьих офицеров (половина из которых относилась к эмиграции 1920 г.) под предлогом проведения совещания были вывезены англичанами из лагерей и переданы представителям НКВД и советского военного командования. Среди выданных был и командир 1-й казачьей дивизии (позже – 15-го казачьего корпуса) генерал Г. фон Паннвиц. Как гражданин Германии он мог остаться среди пленников англичан и тем самым спасти свою жизнь. Однако за годы совместной службы с казаками он настолько сблизился с ними, со своей частью, что посчитал необходимым разделить судьбу своих подчиненных. Сам Паннвиц заявил так: «Я делил со своими казаками счастливое время, я останусь с ними и в несчастье» [30].

История сохранила достаточно много свидетельств о тех трагичных днях, когда проходила выдача казаков. Англичанам пришлось пускаться в ход все средства, включая оружие и танкетки. Выдача казаков проходила вплоть до середины июня 1945 г. Естественно, зная, что их ждет при возвращении в Советский Союз, многие казаки готовы были идти на все, чтобы не вернуться. Они пытались уйти в горы, прыгали в холодные воды бурной р. Дравы (на берегу которой располагалось большинство казачьих лагерей). Некоторые пытались кончить жизнь самоубийством. Кому-то удалось убежать в горы, кто-то был оставлен англичанами (в основном те, кто смог доказать свое новое гражданство, полученное в годы эмиграции). Однако значительное количество казаков было возвращено в СССР. Большинство из них погибло в лагерях, и лишь немногим удалось вернуться в свои края или уехать за границу. Так, из 2000 казаков Казачьего Стана, выданных англичанами, в советских лагерях выжили и дождалась своего освобождения в 1955–1956 гг. только 200 человек [31]. Практически все руководители казачества, включая П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Т.И. Доманова и Г. фон Паннвица, были казнены.

Выводы. Таким образом, в силу ряда объективных и субъективных причин часть казачества как из числа эмигрантов, так и из числа советских граждан оказалась в годы Второй мировой войны на стороне фашистской Германии. Подобная позиция, несмотря на порой значимые причины, объективно и в исторической перспективе была направлена против собственной родины, собственного народа. В то же время казаков-эмигрантов нельзя в полной мере отнести к коллаборационистам вследствие того факта, что они не являлись гражданами СССР. Граждан СССР, сотрудничавших с врагом, можно разделить на две основные категории – гражданское население и военнослужащие. Степень участия и тех, и других в войне на стороне Третьего Рейха была различной. При этом многие казаки, уходившие с немцами на запад, проявляли не столько поддержку Германии, сколько желание избежать возможных репрессий со стороны советского руководства. В свою очередь, руководство Третьего Рейха и командный состав вермахта, несмотря на официальные идеологические установки, в силу ряда объективных причин вынуждены были пойти на тесное сотрудничество с представителями казачества и активно использовать его потенциал в ходе войны.

Примечания:

1. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Пер. с нем. Смоленск, 2000. С. 277.
2. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 51.
3. Черные дела «белого движения» (Публикация В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 82.
4. Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 58.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 60-61.
6. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.
7. Русский корпус. Сост. Д. Вертепов. Нью-Йорк, 1960. С. 21, 27.
8. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 333-334.
9. Там же. С. 379.
10. Там же. С. 354-356.
11. Ланнуа де Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945. М., 2006. С. 17.
12. Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 23-24.
13. Черкасов А.А. Предисловие // Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы. Сборник документов. Сочи, 2003. С. 10-11.
14. Крикунов П. Указ. соч. С. 216.
15. Там же. Р. 261-263.
16. Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 124.
17. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.
18. На казачьем посту. Берлин. 1943. № 14. С. 2.
19. Крикунов П. Указ. соч. С. 467.
20. Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне: К истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) // Новый часовой. 1997. № 5. С. 171.
21. Крикунов П. Указ. соч. С. 437-438.
22. Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 191-192.
23. На казачьем посту. Берлин. 1945. № 43. С. 2.
24. Баудинов Г. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 29.
25. На казачьем посту. Берлин. 1945. № 42. С. 10-11.
26. ГАРФ. Ф. 5761. П. 1. Д. 13. С. 134.
27. Крикунов П. Указ. соч. С. 505-507.
28. Там же. С. 513-515.
29. Ланнуа Ф. Указ. соч. С. 64.
30. Цит. по: Стеенборг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 236.
31. Ланнуа Ф. Указ. соч. С. 187.

УДК 316.347(470.62):94“1939/45”

**Третий Рейх и казачество:
к вопросу о взаимоотношениях в годы Второй мировой войны**

Олег Валерьевич Ратушняк

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется участие казаков во Второй мировой войне на стороне Германии. Объектом исследования являются как казаки-эмигранты, так и казаки из советских граждан. Актуальность работы определена дискуссией развернувшейся последнее время в научных кругах и среди общественности по проблеме коллаборационизма. В статье показаны причины поддержки частью казачества Гитлера, отношение руководства Третьего рейха к казачеству, основные направления сотрудничества казачества с фашистской Германией. Сделан вывод о том, что казаков-эмигрантов нельзя в полной мере отнести к коллаборационистам вследствие того факта, что они не являлись гражданами СССР. При этом многие казаки, уехавшие с немцами на запад, проявляли не столько поддержку Германии, сколько желание избежать возможных репрессий со стороны советского руководства. В свою очередь, руководство Третьего Рейха и командный состав вермахта несмотря на официальные идеологические установки в силу ряда объективных причин вынуждены были пойти на тесное сотрудничество с представителями казачества и активно использовать его потенциал в ходе войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Третий Рейх; вермахт; казаки; казачество; коллаборационизм; Казачий Стан; эмиграция.